

Rkapl:
21 harfehr
2009 ury
Выходит с
21 декабря
2009 года

И. ВАСИЛЬЕВ: ФАДЕЕВ, АРИСТОТЕЛЬ И СТОИЦИЗМ И. ЯСИНСКИЙ: МЫШКА-НОРУШКА И. КАРАСЁВ: ТРИ ОЛОВЯННЫЕ ПУГОВКИ В. СОБКО: КАК ПРЕДСТАВИТЬ МОРЕ? СТЕФАН ЭВКСИНСКИЙ: ПАСТУШКИ Н. СКУДАРНОВ: У ДОМА СВОЕГО А. ЧЕРЕПАНОВ: НА КРУГЕ С. ЛОХА: С ШОКОЛАДНОГО ДЕДА МОРОЗА... И. ВАСИЛЬЕВ: СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ СНЕГА И. ЯСИНСКИЙ: ЛАЧО ДРОМ! И. РОМАНО: ОРЛИК

asa#22 знание

ALOEJASSA | ЖУРНАЛ СКОРОМЫСЛИЯ НА ЯЗЫКЕ АРАХАУ

GarkanrogölsGeseir

Возвращение блудного реализма

asa#22 знание

Kereibr (Автор идеи)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvávafabr (Заместитель главного редактора)

Ihoro Ahiniro (Игорь Васильев)

Küzau (Верстка)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Ihoro Ähiniro (Игорь Ясинский)

Assagese (Творческий совет)

Oharo Ehinaro (Ольга Веснина)

Ahaniharo Ohonyhenaro (Наталья Лободырева)

Ahero Uhanoro (Павел Уваров)

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.
Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.
E-mail: rbardalzo@yandex.ru
Электронная версия журнала: www.arahau.ucoz.ru
Журнал издается на пожертвования Сообщества Арахай.
Печать цифровая.
Тираж ограниченный
г. Краснодар, май, 2018, #22

На обложке: Константин Лупанов, «Чего изволите?». Репродукция картины взята из свободного источника, авторского сайта lupanov.info.

Содержание номера

От редакции	5
--------------------	---

Тема номера

Неореализм и нанофутуризм, <i>И. Васильев</i>	6
Библиотечка нанофутуризма	6
Фадеев, Аристотель и стоицизм, И. Васильев	6

Проза

Мышка-норушка, <i>И. Ясинский</i>	8
Три оловянные пуговки, <i>И. Карасев</i>	12
Как представить море? <i>В. Собко</i>	14
Пастушки, <i>Стефан Эвксинский</i>	16

Поэзия

У дома своего, <i>Н. Скударнов</i>	18
На круге, <i>А. Черепанов</i>	22
С шоколадного Деда Мороза... <i>С. Лоха</i>	25
Семнадцать мгновений южного снега, <i>И. Васильев</i>	27

Родная речь

Лачо дром! (О цыганском поэте и прозаике Иване Романо), <i>И. Ясинский</i> .	29
Казалось, все заполнил этот зной (Стихотворение), <i>И. Романо</i> .	30
Орлик (Рассказ), <i>И. Романо</i>	31

От редакции

Друзья!

Этот выпуск журнала не совсем обычный. Сообщество Арахай совместно с заместителем председателя Представительства Союза российских писателей в Краснодарском крае Игорем Ясинским подготовили подборку кубанских авторов, состоящих в литературных организациях или ассоциациях. Что может их объединять? По мнению составителей, опубликованные в нашем издании произведения отличает жанр реализма... Не того реализма, который был характерен для СССР. Это некий другой феномен, требующий своего осмысления. Хотя элементы соцреализма и классицизма в представленных на суд читателей работах присутствуют.

Наша задача – заострить внимание на этих работах и попытаться проанализировать феномен.

Приятного вам чтения.

P.S.:

В этом году 6 июня исполнилось бы 50 лет Алексею Передерееву, первому редактору журнала "Asa", вдохновителю создания языка Арахай, который он не уставал пропагандировать до самого последнего дня своей жизни.

Напоминаем, что в этом году в Краснодаре пройдут юбилейные V Передереевские чтения. Это – междисциплинарное научно-популяризационное творческое мероприятие, ставящее своей задачей исследование проблем культуры и языка (прежде всего научно-фантастической литературы и фэнтези) в связи с общественной деятельностью и литературным творчеством А.А. Передереева (1968–2012), его коллег, друзей и соратников.

Тема номера

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, г. Краснодар

Родился в поселке Коренево Курской области в 1979 г. На Кубани проживает с 1981 года. Окончил исторический факультет Кубанского государственного университета в 2003 году.

Историк, прозаик, поэт. Автор ряда книг.

Неореализм и нанофутуризм

Неореализм акцентируется на грубом вторжении реальности в изначальную гармонию творческого замысла. Но ничто не может сделать это так, как сама жизнь. «Сама жизнь» – это люди и природа.

Конечно, небрежение памятниками архитектуры недопустимы. Они должны регулярно реставрироваться, заботливо поддерживаться в изначальном виде. Также недопустимы акты вандализма, которые должны преследоваться по закону.

Но есть то, что уже никто не станет восстанавливать в первозданном виде, что осознается как бы несуществующим.

Но можно найти старый бетонный куб, к которому что-то когда-то крепилось, и от которого неизвестные вандалы отбили один из углов, А другой угол заботливо оплел плющ ...

Неореалист, склонный к нанофутуризму, не будет ломать какие-то свои работы. Он, скорее, обнесет такой куб оградкой, также креативно погнутой. Или, если будут средства, организует ландшафтный парк-музей неореализма «Заброшенная лесополоса». Где из буйного бурьяна у подножья куба будет смотреть на зрителя погнутый бампер автомобиля. А поперек догори лежать бутылка шампанского. Когда пустая, а когда и полная...

Где же тут нанофутуризм? Художник лишь слегка декорирует то, что создали общими силами советские монтажники, подростки из лихих девяностых, домохозяйки начала XXI века, выносившие мусор. А также дожди, солнце, плющ и трава...

Вмешательство художника должно быть минимальным, но концептуальным и точным. Неореализм в нанофутуризме не отменяет традиционное искусство, но находит искусство там, где, его, казалось бы, нет. В данном случае, в большей степени искусство восприятия, а не преобразования.

Библиотечка нанофутуризма

22 номера – это немало. Можно говорить и о некоторых итогах. Работа постоянных авторов журнала «Asa» очень успешна в плане концептуалики искусства. Взять тот же язык Арахай. Есть и другие разработки, такие, как концепция нанофутуризма. Нанофутуризм – это прежде всего, искусство архивирования объемной информации и многозначных смыслов. Поэтому для него важно не только создание новых артефактов, но и сжатый, емкий рассказ об уже созданном...

Вот список тестов, рассказывающий о направлении.

Васильев И., Манифест нанофутуризма. // Aprn.ru (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Концепция нанофутуризма. // Topos.ru (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Возможны ли хайку-рубаи? // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Годовые кольца верлибров. // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм в кинематографе. // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм и русская культура. // Narodnazemle.ru (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм и советский югэн. // Topos.ru (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм и хюгге: общее и особенное. // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм: между прошлым и будущим. // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
его же, Нанофутуризм: отличия от классики и авангарда. // Там же (дата обращения – 14.04.2018);
Васильев И., Карасёв И., Хайку-верлибр: описание и примеры. // Topos.ru (дата обращения – 14.04.2018);
Иванников С., Журнал Asa № 21: вместо рецензии. // Arahau.ucoz.ru (дата обращения – 14.04.2018).

Фадеев, Аристотель и стоицизм

Александра Фадеева (автора романа «Молодой гвардии») можно еще по праву назвать крупнейшим советским философом. Философом в традиционном понимании, а не философедом, преподающим в вузе, который может быть философом, а может и не быть. Фадеев последовательно выражал свои идеи в книгах, жил и умер в точном соответствии с ними.

Так же Фадеева можно по праву назвать крупнейшим левым философом XX века – его слова не расходились с делами и образом жизни.

Фадеев был истинно правоверным коммунистом, плотью от плоти доктрины. Одновременно у него было свое, глубоко личное видение доктрины. Я не разделяю его убеждения, но нельзя отрицать их глубокую искренность и концептуальную разработанность.

Она уходит своими корнями в философию Аристотеля, который свел идею всякой вещи с небес на землю, провозгласил постигаемой в ее конкретном реальном воплощении. Отсюда – склонность Аристотеля к изучению природы и реально существующего человеческого общества. Например, к классификации видов общественного устройства, изучению их сути.

Подобную точку зрения можно трактовать и в форме одной из интерпретации гегелевской традиции, в соответствии с которой в ходе развития мира вещей все более выявляется их суть. Но восприниматься это может, как в отношении движения к сверхчувственному, так и самодвижение материального мира, общества к идеалу.

Именно так, как борьбу за возведение земного реального мира в самоценный и самодостаточный идеал силами самого мира воспринимал коммунистическую идеологию и историю СССР Александр Фадеев.

При этом обыденная жизнь, поведение людей, по мнению Фадеева, должна была соответствовать идеалу, либо служить движению к нему.

Это проявилось как в творчестве Александра Фадеева, так и в его жизни. Он описывал вполне конкретную, приземленную, нередко фактически достоверную реальность. Но этой реальности придавалась космическая значимость, она абсолютизировалась через ценностную сверхзначимость, как через отношение к ней автора, так и героев книг. Символика книг Фадеева сродни символике советской праздничной демонстрации, во время которой сакрализировались и абсолютизировались труд рабочих, их инструменты, машины и пр.

То есть имело место попытка превратить повседневную жизнь в священное действие и, тем самым возвести ее в ранг абсолюта, сакрализовать повседневный мир через превращение обыденного в сакральное.

Такова была и жизнь Фадеева, проникнутая служением делу компартии и СССР. Был литератора удивительно даже для того времени был подчинен законам и правилам. Так, ему было небезразлично, рубят ли соседи по писательским дачам в Переделкино сухие деревья с разрешения или без...

Но подход Фадеева был глубоко чужд большинству современников. Они не были врагами советской власти, но вкладывали в нее каждый свой смысл. Не обязательно шкурно-карьерный, но свой, глубоко индивидуальный, который был куда важнее, чем общее дело возведения окружающей действительности к идеалу. И лишь Великая Отечественная война задержала нарастание этих тенденций

Отсутствие сверхзначимости общего дела, видение идеала как чего-то принципиально отдельного от насущной реальности превращало советских людей фактически в случайных попутчиков...

Это и привело в итоге Александра Фадеева к этико-философскому самоубийству, подобному тем, что совершили античные стоики. Он не мог предотвратить деградацию и гибель мира, но не желал ей потворствовать...

Проза

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ, г. Краснодар

Игорь Ясинский, родился в 1954 г. в Краснодаре. Образование – высшее (сельскохозяйственное) и журналистское. Заместитель председателя Краснодарского представительства Союза российских писателей в Краснодарском крае, член Союза журналистов России. Основное литературное кредо – научно-приключенческая фантастика.

Мышка-норушка

Почему женщины визжат, а порой теряют сознание от встречи с мышью? Мужчины ведь так себя не ведут. При нападении тигра, если вам, конечно, сподобится с ним столкнуться, и мужчины, и женщины, как правило, цепенеют от ужаса и неизбежности. Когда касательно вас зашипела кобра, неожиданно приподняв тело из-за кучи гниющей листвы и распустив «косынку», большинство людей, как мужчин, так и женщин поначалу тоже инстинктивно замирают – чтобы не злить и не провоцировать рептилию, а затем с той или иной степенью сноровки ретирируются. А вот в вопросе мышей мужчины реагируют на них, в общем-то, спокойно. Представительницы же прекрасного пола зачастую теряют самообладание. Чего ж это так?

Сегодня перерезали ленточку. Где? В магазине? На стадионе? Космическом вокзале? Не угадали. Сегодня был официальный день заселения целой планеты. Созвездие Весов, Солнечная система такая-то, планета такая-то. Заселяли четвертую. Да... Конченая периферия. Но кому-то, а таких набралось чуть ли не двадцать тысяч, хотелось подальше удрать от стекла, бетона, сверхскоростных магистралей, пространственных искривлений, межгалактических проксоков и прочих нескончаемых благ цивилизации ХХY века с Р. X.

Конечно, заселение не случается в одночасье. Сначала планету, название которой пока не придумали, само собой, открыли. Потом, как следует, изучили. Кажется, оно. Сила притяжения соответствует – а вот если бы была слишком большой, колонисты через пять-шесть поколений начинают терять в росте и коренятся. Если же сила окажется меньше земной – вытянутся наподобие стручков. Здесь же гравитация – в норме. Но главное – воды навалом. А жизни – дудки.

И поехало. Сначала здесь выселяли наши кислородовыделяющие микроорганизмы, а когда животворящий газ накопился, завезли мхи, лишайники и подобный полу примитив. В материнской породе возник грунт. Потом заложили перевалочные базы, хранилища, а когда атмосфера окончательно приобрела оптимальность, возвели жилые комплексы. И вот открывают. Сюда даже приехал Вице-премьер – ишь ты, третье лицо метрополии.

Ленточку перерезать.

Никто никогда не слышал, чтоб начальник службы безопасности матерился.

– Докладывает диспетчерский пункт колонии. На орбите – неопознанный корабль неземного происхождения – пискнуло в мини-динамике у самого уха служивого в тот самый момент, когда ножницы Вице-премьера резво щелкнули, два конца перерезанной ленточки радостно засерпантинелись, и столь же радостно зарукоплескала толпа.

– Чтоб мне целоваться с обезьяной – в сердцах бросил начальник службы безопасности, чуть было не топнул ногой и послал кого-то куда-то.

Через минуту он был уже в диспетчерской.

– Давай, рожай, – хмуро бросил он вахтенному, совсем еще мальчишке, проходившему тут стажировку. Курносый нос в конопушки дернулся.

– Полюбуйтесь, шеф. Засекли, можно сказать, только что. Похоже, собираются садиться. А еще – на корабле явные неполадки.

Это охранник уже и сам рассмотрел. Корабль двигался толчками, по рваной траектории.

– Будем сбивать... или как? – в голосе молодого сержанта слышался азарт.

– «Или как» болван! – бросил сквозь зубы пожилой, крепко сложенный вояка. Угораздило же какой-то дряни появиться именно тогда, когда мероприятие в самом разгаре. Так еще и эта шишка на ровной местности (Вице-премьер) тут! – подумал он и матернулся уже по-настоящему. Чуточку полегчало.

– Значит, так... – офицер замер, будто готовясь прыгнуть. Его мозг лихорадочно соображал. С одной стороны безопасность Премьера... Но с другой как раз хорошо, что он тут. Ему и решать. Прошла всего пара секунд – действительно старый служака решения принимал быстро.

– Значит, так. Гостей под прицел из всего, что у нас стреляет. Но не провоцировать. Оружие применять только в случае явной агрессии. Держать под контролем до приземления. А там видно будет.

Не успел Вице-премьер и компания осушить по второму фужеру шампанского со знаменитых плантаций Альфа-Центавра, как ему на ухо сообщили. Хорошее настроение мигомней нейтрализовалось. Вице-премьер моргнул, хрустнул костяшками изящных пальцев – (он и сам знал, что это дурацкая привычка, за которую его гоняла жена, но не мог от нее избавиться, особенно, когда волновался) – и хмуро пригласил сопровождающих в малый конференц-зал.

– Что уже известно? Доподлинно известно? – произнес он низким грудным голосом, когда полтора десятка ответственных лиц расселились в полуovalных, врачающихся креслах.

– Приземлился корабль класса «подпространство» неизвестного происхождения. От части выведена из строя основная навигационная система. Аварийная вообще не работает. Причины поломок на настоящий момент не установлены.

– Общий технический уровень корабля?

– Мы на таких летали двести с лишним лет назад.

– Понятно. Где они сели? Кто или что на борту? Какого кляпа им надо?

– Сели, точнее, село совсем под носом, вон, за холмами – охранник ткнул ладонью в окно, и все одновременно повернули туда головы.

Вице-премьер кивнул.

– Теперь главное. На борту нечто. В единственном экземпляре. Не робот и не плазмоид, а явно живое существо. Полупрозрачная огромная амеба с меня ростом. Оно в тунике и передвигается.

– Ишь, ты! Поподробнее, – вкинул брови наивысшего полета государственный деятель.

– Так вот, когда корабль приземлился, да еще и завалился на бок, мы поначалу были готовы ко всячому. Затаились и ждали поблизости. Наблюдаем. Никто не выходит. Тогда вошли мы. Двигаемся, значит, внутри, потихонечку. Осматриваемся. Кое-где осколки, но общее состояние корабля удовлетворительное. И никого. Энергоотсек. Переход. Кабина связи. Переход. Пищеблок. Везде пусто. А потом глядим – в рубке управления, за одним из блоков – сидят. Да-а... И... смотрят на нас.

– Кто? Амеба?

– Она самая.

– Но чем же...

– То-то и оно. Нечем вроде как. Но кожей чувствую – разглядывает. Затем...

– Что?

– Выползло и стоит. Явно боится.

– Немудрено, – кто-то заметил сбоку. – Мы для нее тоже страшилища.

– Вполне вероятно, – согласился вице-премьер. – И что потом?

– Потом мы это чудо позвали жестами на выход. Оно сразу поняло. И покатило. Топ, топ. Зрелице...

– И где же оно сейчас? – резонно поинтересовался государственный деятель.

– Тут. В соседней комнате.

– Ммм... Приглашайте, – в голосе чиновника прозвучала решимость, хотя по натурае это был осторожный извешенный человек.

Все привстали, когда в дверях конференц-зала показалось нечто массивное, полупрозрачное, бесформенное, медлительное и непонятное.

Вице-премьер шагнул вперед и сделал приглашающий жест рукой: присаживайтесь, мол, на ближайшее креслице. Однако существо или не поняло приглашения или его просто проигнорировало. Оно пронефилировало в центр зала и распласталось, наподобие переспелой хурмы. Следом появился служащий, который нес прибор, с помощью которого уже несколько сот лет проходили первичные межгалактические общения. Иными словами – переговорник.

Инструкции – основа основ любого контакта, а они строго-настрого запрещали какие-либо расспросы о физиологических особенностях, как: внутреннее строение, процесс приема пищи, пол, размножение, возраст – подобный интерес мог вызвать негативную реакцию. Впрочем, если собрат по разуму оказывался гуманоидом, подобные вопросы сами находили ответ. Вот возрастом можно было интересоваться сколько угодно.

Здесь, однако, дело обстояло своеобразно, ибо амеба или ее аналог, если оно, конечно, ее аналог, не имеет возраста. А еще были очень большие опасения, что переговорник речь амебы не возьмет. Последнее, впрочем, не подтвердилось.

– Мы – земляне, – первым заговорил Вице-премьер. – Называем себя людьми. Наша метрополия находится... – и было названо расстояние в световых годах.

В переговорнике пропищало и пробулькало. Прекрасно! В тот момент все одновременно подумали, что – хорошо хоть общаться придется звуком, а не телепатически, ибо последнее несравненно труднее звукового перевода.

– З.з..-з33.. Блюм – з.., – пискнуло-квакнуло существо в ответ. Кстати, непонятно чем. Перевелось: «Мы тоже земляне. И тоже люди. Только не имеем колоний и живем значительно ближе». И тоже была озвучена цифра.

Один из стандартных ответов. Все верно. Планетное образование и структура, по которой мы ходим и с которой питаемся, у большинства народов Мироздания называется одинаково. Земля. Объединительное название рас в пределах вида – тоже. Люди. Везде люди. Только мы – млекопитающие, а в созвездии Орион – восьмилапые, доброжелательные пауки. Это тоже люди, ибо они у себя – высшая степень живых организмов и главенствующий субъект исторической, общественной, научной и культурной деятельности. В созвездии Лебедя – вальяжные меланхоличные медузы, кстати, очень приличные поэты. По местным меркам разумеется. Недавно где-то на задворках открыли думающую плесень. Тоже земляне и тоже люди. Так что все на месте...

– У нас Внутrigalaktическая Республика, – поинтересовался вице-премьер. – А у вас?

– Монархия, – пискнуло и перевелось.

Теперь по этикету и методическим разработкам шел второй вопрос.

– Как к вам обращаться?

В этот раз пропищало, но уже не перевелось. Понятно. В имени пришельца явно не был заложен смысл. Только набор звуков. Или сам смысл со временем был давно утерян. Бывает. Впрочем, существо, услышав, что его не перевели, добавило, что можно к нему обращаться в форме словосочетаний «Будущее Звено».

Необычно, не совсем понятно. Но сойдет. Звено, так Звено.

– А скажите,уважаемое Будущее Звено, как получилось, что вы очутились здесь? Что с вашим кораблем? Какие вообще проблемы?

О! Тут, оказалось, есть что послушать. Короче, это самое Звено как раз и соответствует словосочетанию. Ибо в монархической иерархии людей-амеб Звено является следующим после правящего на сегодняшний день монарха. Не слабо! Далее. После тактичного и верно поставленного вопроса: «А скажите, пожалуйста, сколько Вами прожито относительно среднестатистической продолжительности жизни?», стало понятным, что существо, вероятнее всего, находится где-то в конце подростковой – начале взрослой фазы.

Но главным было вот что. Оказалось, что на этой самой амебной земле произошел переворот. И новый монарх хотел уничтожить Будущее Звено, которому как раз и принадлежит престолонаследие. Во время разговоров в голосе блока-переводчика прозвучал страх – агрегаты реагируют и на интонации переводимого.

«Хорошо отработана коробка, даже эмоции передает» – констатировал в тот момент в уме Вице-премьер.

А еще было добавлено, что Звено, распознав разумную колонию, бросилось сюда спасаться, полагаясь на милость и гуманность колонистов.

Да, уж. И что из этого следует? А то, что, сами того не желая, земляне (двуногие) влезают в дряги за чужой престол.

Теперь кое-что становилось на свои места.

– И что же вы от нас хотите? – спросил тогда высокий чиновник.

– Спасите меня, – прошептало в ответ существо.

– Давайте, высказывайтесь, – хмурил брови Вице-премьер. – Или мне самому разродиться? Ладно. Итак, что мы имеем? Монархические, и как оказалось, кровавые разборки. Не под боком у колонии, но все же достаточно близко. Мы не знакомы с историей, культурой, а главное – традициями амебной планеты. Насколько они агрессивны, коварны? Уже одно то, что там кого-то сместили путем убийства, кое о чем говорит. И не в их пользу. Насколько они могут быть нам полезны и полезны ли вообще? Нужны ли нам могущие возникнуть проблемы и осложнения? – спрашивал Вице-премьер, прохаживаясь в конференц-зале среди членов свиты и несколькими самыми влиятельными колонистами, включая начальника охраны.

В помещении стояла тишина. Лишь кто-то сопел в задних рядах.

– С другой стороны, – продолжало официальное государственное лицо – по человеческим критериям, попавшему в беду, мы вообще-то должны помочь. К слову, как там Звено? Что с едой? Насколько повреждена посудина?

– С едой все в порядке. Запасов хватит надолго, а при желании сделаем аналог – это не сложно, разобрались. В корабле повреждена система наведения. При необходимости можно починить и настроить, но это займет некоторое время. Так что, если возникнет необходимость, отправим амебу обратно...

Часть присутствующих загудела.

– Может, и придется, – произнес политик и перестал ходить туда-сюда. Хотя, честно говоря, мне бы этого не хотелось.

Это было правдой лишь отчасти. Ему самому действительно не хотелось совершать неблаговидный поступок при условии, что версия соответствует изложенному. Впрочем, в ином мало кто сомневался. Но с другой стороны третьему лицу Республики претило принимать на себя ответственность – все-таки он третий, а не первый. Если что, ему могло солидно перепасть.

– Техническая степень развития амеб? – задал вопрос из зала некий чиновник из метрополии.

– В плане освоения космоса – и десяти процентов от нашего не наберется, – пояснил один из генералов. – Они даже не знают, что такое искривление пространства, а прут с планеты на планету, так сказать, по-прямой. С большой долей вероятности можно предположить, что и касательно вооружения они на столько же отстали от нас. Так что если наш случай вызовет вооруженное противостояние...

– Нам только этого не хватало! – прервал военного Вице-премьер, при этом рубанув ладонью. Несколько секунд государственный деятель стоял молча, затем глубоко втянул воздух, который ничем не отличался от земного, и обобщил.

– Давайте еще раз все вместе подумаем. Конечно, решение принимать мне, но мнение большинства будет однозначно учтено. Безопасность колонии. А с другой стороны – этические нормы. Человеческие. Мы так мало о соседях знаем. Кстати, я так и не понял, к какому полу относится наш гость... гостья. Или как? Мальчик оно или девочка? Все глаза просмотрел – и ни черта!

– Может, у них вообще нет пола, – высказал кто-то догадку.

– А шут его знает. Только нам от этого не легче, – неспешно констатировал Вице-премьер.

На этот раз беседа происходила в тени прекрасно тут себя чувствующих дубов, на маленькой площадке, покрытой плиткой уже из местного светло-кремового минерала.

Сначала на принесенных стульчиках-тюфячках устроился земной официоз, затем в сопровождении двух рядовых прикатило существо. Кое-что о себе оно уже раньше успело рассказать. Например, питались его собратья методом обволакивания. Ну и хорошо, приятного аппетита. Было поведано кое-что и о текущем моменте у них дома. Дворцовые интриги и хуже. Пояснилось, что да, страна может скатиться к междуусобице. Особенно, если амебе окажется там.

– А есть уверенность, что если вы останетесь здесь, то конфронтации удастся избежать?

– Скорее всего, так и сложится на какое-то время. Ведь законного символа и наследника, то есть меня, поблизости не будет. Поэтому моему клану вступаться вроде как не за кого. Но незаконность переворота себя в любом случае со временем проявит.

– Это как? – уточнил Вице-премьер, хотя для себя уже принял некое решение. Но – промежуточное, которое проблему сегодняшнего дня одним махом не решит.

– А так. Узурпатора так или иначе со временем скинут, ибо большинство населения за меня, – пояснили ему.

Вице-премьер, человек здравомыслящий, трезво рассуждающий, но порой осторожный, в данной ситуации решение – депортировать амебу или нет – мог принимать самостоятельно. Но он все же решил связаться с метрополией – президентом и премьером. «Или сами пускай решают, или уж официально озвучат для меня свободу выбора». Он и собирался в настоящий момент сказать примерно следующее: мол, мы еще немного подождем, а будет сделано так, как примет решение метрополия.

Тут внимание присутствующих кое-что отвлекло: на плиточную площадку, совершенно не обращая внимания на людей, выползла обыкновенная бурая мышь. Скорее всего, ее прародители попали сюда с почвенно-природными монолитами, которые завозились в свое время с Земли – никто не будет копаться в куске величиной с добрый айсберг, выковыривая оттуда всяких грызунов.

Мышка деловито сновала по кафелю, принюхиваясь и поводя влажным носом из стороны в сторону, а еще нагло блестя булавочными глазами-бусинками. Хвостатый зверек активно погрыз какую-то крошку, а затем зигзагами приблизился к одной из ложножек монархической особы, понюхал и собрался, было, куснуть. На секунду амеба застыла, словно парализованная, затем дернулась, и неожиданно резко отскочила в сторону.

– Пи-и-и-п!!! Пип! Ой! Ай! Ну, ты, вали отсюда, дрянь! Мамочка! Помогите! А-а-а-а-а! – спился воедино непосредственный писк и фальцет переводящего устройства. Несколько присутствующих мужчин резво вскинулись,

и, топая ногами, загнали нахальную тварь обратно в траву. Больше всех старался начальник охраны. А гостья выпростала ложножку, которая затрепетала, наподобие человеческой ладони.

«Боже мой, боже мой, – вертелось в голове Вице-премьера. – Если я не ошибаюсь, амеба, оказывается, женского пола. Мышь ее перепугала совсем как наших дам! Точно так же! Да, несомненно, амеба – молодая девушка. Ее реакция сама говорит за себя. А еще – и беззащитная принцесса. Сирота. А девочке ведь грозит опасность!».

Он повернулся ко все еще продолжавшей неподвижно стоять беглянке.

– Не бойтесь. Мы ее прогнали. Это всего лишь мышь. Она совершенно безвредна.

– Извините... Мне право неловко... – по полуопозоричному телу незваной гостьи прошла легкая дрожь, похожая на омерзение. – Я и сама могла бы догадаться, что оно... оно не опасно – вы все стояли спокойно, пока оно не подлезло ко мне... А закричала я потому что оно... потому что оно... мmm...слишком противное.

Сначала третье лицо государства проглотил застрявший в горле ком, затем слегка откашлялся. А чуть позже в его мозгу что-то щелкнуло. Вообще же человеком он был осторожным, но в отсутствии благородства и порядочности его было трудно упрекнуть. Вице-премьер сделал несколько шагов вперед и оказался как раз на том месте, где только что прогуливалась нахальная мышка-норушка. Он повернулся в сторону беглянки, слегка поклонился и с расстановкой произнес:

– С этого момента вы – наша гостья. И вам ничего не угрожает. Ни эта мышь, ни ваши противники, – так озвучил свое новое решение государственный муж. – Вы находитесь среди друзей, и если понадобится, мы, девушки..., Ваша Светлость..., защитим Вас всеми имеющимися средствами...

А дальше было вот что. Ззи – так в некотором роде компромиссно обусловились величать беглянку – пробыла в колонии около трех лет, после чего ее пророчества сбылись. Дядьку, захватившего трон, скинули, на трон посадили Ззи. Отношения между ее государством и колонией прекрасные, если не сказать больше. Во-первых, делить нечего, во вторых, возможности для товарооборота колоссальные. А еще недавно два сына королевы Ззи приехали сюда получать образование. Вот и хорошо, пусть, помимо всего, осваивают общечеловеческие принципы. А еще – галантное отношение к женщинам.

И – самое интересное. На фамильном гербе династии Ззи кое-что прибавилось. Теперь там, помимо двух благородных животных местного происхождения (с очень специфическими способами питания и размножения), а также боевого оружия средневекового периода, красуется вверху скалящая зубки мышка. Не удивляйтесь. Она ведь заслуженно на герб попала – государство и трон помогла отстоять. А что, разве не так?

ИВАН КАРАСЕВ, г. Краснодар

Родился в Краснодаре в 1970 г. Окончил Краснодарский технологический университет по специальности «Физика и техника низких температур». Возглавляет секцию научной фантастики при Краснодарском отделении Союза писателей Краснодарского края, член Союза журналистов России.

Конлангер, прозаик, поэт. Автор ряда книг.

Три оловянные пуговки

1. Питюня

Анфиса жить не могла без тусовок. Тем более сейчас, когда завела себе очередного парня. Однако, думала она, все равно чего-то не хватает к ее новому наряду. Голову ломала, пока не решилась купить себе экзотическую зверушку. Не абы какую, а, чтобы увидав ее, подружки с зависти сохнуть стали. А тут, как кстати, интеллигентного вида бомж ящерицу ей толкнул. Почти даром. На маленького питончика похожа, только с когтистыми лапками. Так и назвала животинку Анфиса – Питюня.

Рос Питюня не по дням, а по часам, и прекратил мужать только, когда достиг отметки метр восемьдесят. С хвостиком, конечно. Водить такое тело на тусовки было уже проблемой, стала запирать его Анфиса на ночь одного, а сама по делам спешила – тяпнуть и потанцевать. Частенько подивиться квартирному варану приходили гости. Тем более, у Питюни была такая манера (особенно, когда он был голоден) – становиться на задние лапки, а передние складывать домиком и жалостливо сверкать маленькими глазками на посетителей.

Однажды забыла Анфиса свою «ящерку» покормить тухлятинкой, как научил ее знакомый ветеринар Яков Савич. И надо же такому случиться, что именно в тот момент угораздило бывшего бой-фрэнда Анфисы заявиться. Пришел он, чтобы забрать свои вещи – ноут-бук и две пары носков. Глядь, а на пороге чудовище во весь рост стоит и есть просит. Знал парниша, что у Анфиски гадина поселилась, но чтоб такая... Разозлился и пнул варана под хвост. А тот его кусь за руку и – под кровать. Еще больше огорчился юноша, прилег, рану платочком носовым трет. И вот тебе на... Выполз Питюня из укрытия, подошел к человеку, и из глаз звероящера полились слезы. Ручьем. Мало того, обняло животное незваного гостя и от себя не отпускает.

«Что за чудеса, – подумал бывший сожитель Анфисы. – Прощения просит. Хоть и зверь, а к ласке тяготеет».

Вынул он из кармана смартфон, сфоткался с чудовищем и отправил снимок Анфиске. Пусть знает, что она одна такая бесчувственная сука!

А тем временем Анфиса до метеликов в глазах наплясалась на танцполе и увалилась в кресло, чтобы немного отдышаться. Да и выпить абсента не помешает, кальян покурить и все такое. И как кстати к ней подсел наш знакомый Яков Савич. Чисто случайно на тусу зашел, у хозяйки заведения заболела ее любимица – ехидна. А тут, бац, сообщение Анфисе на сотик приходит и фотка. На ней Питюня обнимает ее старого знакомого и плачет.

– Вот же тварь, – возмутилась девушка. – Мало ему моего разбитого сердца, эта гадина еще и моего человечка до слез довела!

Глянул на фото ветеринар, увидел укус и плачущего варана на человеческом фоне и пришел в ужас. Он сразу оценил последствия, ведь сам был укушен игуаной, когда ловил белочку в экзотариуме на губернаторской даче.

– Анфиса, голубушка, немедленно везите своего кавалера в реанимацию. Понимаете, это как крокодилы слезы... Процесс слюноотделения сопряжен со слезоточивостью у животных такого рода. Ядовитость их слюны хоть и не доказана, но всякое может быть. Скорее всего, варан сейчас ждет, когда ваш друг потеряет сознание, чтобы увлечь жертву в укромное место.

Три дня провалился укушенный в больнице. Несмотря на инцидент, Анфиса так любила Питюню, что оказалась не готова его усыпить, как настоятельно советовал Яков Савич. «Никакое чучело не заменит мне животного, человеческого общения», – сокрушалась хозяйка твари. В итоге решила отвезти питомца к маме в деревню.

Поначалу там Питюню встретили хорошо, даже глава поселения приезжал на «Мерседес», чтобы лично лицезреть местное чудо. Остался доволен визитом, но посоветовал, согласно технике безопасности, посадить варана на цепь, включавшую ошейник из каленого железа. Так и сделали, но свежий воздух с местного предприятия по производству быстровозводимого гумна развел у чудовища недюжинные умственные способности. Питюня научился ночью освобождаться от ошейника и душить пороссят с соседней фермы.

Потом пропал в деревне пятилетний мальчик Вова. В последний раз его видели как раз таки возле того злосчастного свинарника.

Анфиса, узнав о происшествии, не могла поверить в то, что ее малыш Питюня мог так поступить. Да и Яков Савич уверял полицейских: «Дети нашей страны не являются кормовым объектом даже для более крупных пресмыкающихся». По правде сказать, никто в деревне не верил в ходившие слухи. Никто, кроме отца Вовы, заслуженного охотника. Улучив момент, он убил варана из ружья. Питюня подпрыгнул, получив пулю, побежал было к дырке в заборе, но, опрокинувшись навзничь, издал душераздирающий крик, пронесшийся раскатом эха над покосившимися домами. Между пальцами лапок у него застрял цветок одуванчика, а из пасти выкатилась оловянная пуговка. Точно такая же, как была когда-то на Вовиных штанишках.

2. Патрик

– Больше никаких котов, – сказала Надежда Ильинична на похоронах Сары.

Сара – шотландская вислоухая, которую давеча неудачно решили вязать с соседским котом Саруманом.

Славная была Сара, тихая и безжалостно строгая, как учительница русского языка Саломея Тихоновна из третьего подъезда. Поговаривали, она – еще и тетя премьер-министра... бедный министр. Ну да ладно, речь-то не о ней... Сара не все любила из репертуара Шопена, когда дочь Надежды Ильиничны Уля играла вечерами на рояле. Тонко чувствуя фальшивь, она поворачивалась к музыкантше задом и недовольно била хвостом по кипарисовому паркету. Могла и куснуть. Не то, чтобы сильно, но очень обидно. Сара никогда не мяукала. Редко-редко, когда ее кошачество переполняло праведное негодование, оно издавало что-то похожее на глухое кряканье.

Как кошка могла подавиться во время вязки оловянной пуговкой? Даже ветеринар Яков Савич только головой покачал.

Когда преставилась Сара, и бог (конечно кошачий, который создал котов по своему образу и подобию) забрал ее, Надежда Ильинична долго не хотела заводить никакой живности. До тех пор, пока дочь не принесла из приюта маленького Патрика.

– Мама, посмотри какая прелесть, – жалобно промяукала девочка. – Весь беленький, а ушки черненькие и носик розовый, как у зайчонка. К тому же Яков Савич говорит, что породистые коты часто болеют и живут недолго. А вот обычные, не породистые, доживают до 40 лет, как наш покойный папа.

Патрика решили брать. Кто мог знать, какое чудовище из него вырастит. Несмотря на то, что его кастрировали и регулярно остригали когти у мастера педикюра, кот попобил весь китайский фарфор, поразодрал все занавески и попогрыз даже деревянные ступени погреба. Но самое неприятное – Патрик начал охотиться на своих кормильцев, можно сказать, соотечественников квартирного пространства. Затаился на шифоньере и ждет, когда мимо пройдет хозяйка или ее дочь. И оттуда – прыг на них, и до крови поранит. В бассейн их теперь пускали только с ветсправкой Якова Савича. Уж больно странно болячки выглядели, и мало кто с такими подранками плавать не боялся.

– Никогда не верила в генетиков, но только не после Патрика. Если бы этот кот появился в моем доме раньше, то никогда бы не решилась тебя удочерить, – сдуру ляпнула Надежда Ильинична Уле и невольно прикусила до крови язык. Дочь сделала вид, что не поняла материнских слов, но выпавшая из рук оловянная пуговка выдала ее.

Тем временем Патрик открывал в себе новые стороны своей заросшей шерстью души. Он внезапно полюбил праздничные салюты. Особенно на 9 Мая. Как только гремели первые раскаты весенней штухи, хозяйка с дочерью стремглав бежали открывать окно и снимать москитную сетку. Следом за ними парадным конем несся Патрик с выпученными глазами. Однажды про его новое пристрастие забыли и он в усердном прыжке чуть было не разбил оконное стекло. Патриотически настроенное животное любило садиться мохнатым задком на кондиционер, нависавший над 18-м этажом. С высоты своей природной дикости кот наблюдал, как фейерверки освещали небо спального района, и легкий дымок далекой, недоступной мышеядному миропониманию победы, ему казался сладок и приятен. Патрик впадал в неистовство, скакал с подоконника и обратно, и даже что-то выкрикивал. Надежде Ильиничне слышалось в этих звуках «Урра!», а дочери – «Мурра!».

...Однажды Патрик не удержался в своем восторге и под треск праздничного салюта разбился вдребезги. Все-таки 18-й этаж – не шутки. В этот момент Надежда Ильинична облегченно вздохнула и задернула шторку со следами кошачьих проделок:

– Больше никаких котов!

3. Арнольдик

С того момента, как пропал маленький Вова, супруги Долгопяты развелись. Жанна больше не смогла жить в деревне, хотя ей нравилось работать в убойном цехе местной свинофермы. Переехала в столицу и устроилась на парфюмерную фабрику. И все бы ничего, но поселился в ее квартире барабашка. Страшненький такой, издали похож на призрачного мальчика, а приглядишься – не то ящерица, не то кошка.

«Фу, гадость какая», – Жанну прямо передернуло, когда вспомнила первую встречу с полтерgeistом. Существо шипело, по-детски звало кого-то «кис-кис» и, играя длинным раздвоенным языком, само же отвечало «мяу-мяу». Уверенным шагом Оно вплотную приблизилось к женщине и прошло сквозь нее. В этот момент Жанна потеряла сознание, а когда пришла в себя, то ощутила резкий запах одуванчика. Чертовски болела рука, которая даже онемела от непомерного усилия. Да ведь она сжимала некий предмет! Пальцы как-то сами разомкнулись и под диван со звоном покатилась оловянная пуговка.

Спасибо соседу по лестничной площадке. Он увидел, что дверь открыта и накапал несчастной валерьянки. Жанна сразу задремала, а, проснувшись, твердо решила вызвать экстрасенса.

– Это – игуарра, нет сомнения, – басом протянула ворожея Седа Георгизовна, воскурив сандаловую палочку. – Призрак загубленных животных, нашедших временную сизигию в человеческих мukах. Изгнать его будет не просто и недешево.

Скрипя сапогами из вараньей кожи, ясновидящая стала ходить по комнате и нюхать углы.

– Открой, голубушка, входную дверь, чтобы чудовище покинуло твое жилище.

На шум из квартиры напротив вышел любопытный человек.

– Здравствуйте, Яков Савич! – обрадовалась встрече Жанна. – Хорошо, что вы меня тогда...

– Извините, а вы жилец или не жилец? – перебила разговор добрых соседей Седа Георгизовна.

– Жилец, жилец, – закивал головой, отчего-то испугавшись, сухонький мужичонка немолодых лет. – Страдаю, знаете ли, от одночества, особенно после того, как нелепо скончался мой любимый кот Саруман. Подавился оловянной пуговицей. А ведь 20 лет прожили с ним душа в душу...

Яков Савич не успел договорить. В открытую дверь его квартиры залетел какой-то темный сгусток энергии.

– Нам пора. Арнольдик обрел себе новое домашнее животное, – шепнула ворожея Жанне на ухо и пропала без следа. Не было видно и Якова Савича. Женщина на цыпочках подошла к его закрытой двери и насторожилась. Она хорошо различала голос своего знакомого там, за стенкой... Но странное чувство носилось в спертом воздухе лестничной площадки. Будто двух людей разделяла не обычная перегородка из кирпича и бетона, а грань между реальностями.

– Арнольдик, Арнольдик! – доносился из квартиры довольный баритон Якова Савича, словно он проводил языком по жесткой шерсти. В ответ лилось громкое мурчанье, перераставшее в шипение, а порой даже в детский смех. Жанна слышала, как на кровать лег кто-то очень тяжелый. Только не могла понять природу последних в своей жизни звуков – то ли это треск деревянного каркаса, то ли хруст старых человеческих костей.

ВЕРА СОБКО, Московская область

Член Союза журналистов России. Образование – биологическое (Ленинградский государственный университет) и музыкальное.

Предлагаемый отрывок из ее очерка (т.н. «ностальжи») основан на детских воспоминаниях автора об одном из кубанских курортов.

Как представить море?

Уже несколько лет подряд две дружные семьи – Сережи и Веруськи – отдыхали в Сочи. Детей родители естественно тоже брали с собой, потому что чахлое послевоенное подрастающее поколение нуждалось в солнце, море и усиленном витаминном питании. Первыми в Сочи приезжали папа с Веруськой. Обычно это было в конце мая. С папиной работы можно было отправиться в отпуск раньше всех остальных. Ему не нужно было, как веруськиной маме, принимать экзамены у студентов или, как сережиному отцу, ждать по графику, чтобы его заменили другие инженеры.

Веруська с папой приезжали, когда на юге созревали черешня и вишня. В эти же дни на узловатых деревьях уже висела, будто бы ожидая, странная оранжевая ягода с крупными, как орех, косточками – мушмула. Ее терпкая сочная мякоть приятно щипала язык, и можно было съесть ее сколько угодно, потому что она никогда не надоедала. Веруська ждала, когда мальчишки постарше залезут на дерево и станут трясти ветки. Тогда земля вокруг покрывалась оранжевыми шарами и сразу же налетала всякая разнокалиберная малышня, которая запихивала плоды внутрь своих маек с таким рвением, что, не выдержав груза, майки порой выползали из трусов, и лавина плодов, с грохотом, в который раз высыпалась на землю.

А еще Веруське очень нравилась вишня. Вишню в Сочи продавали совсем не так, как все остальные фрукты. Конечно, на базаре она тоже лежала в ящиках или была насыпана горкой на прилавке. Но, оказывается, из нее можно было делать

настоящие гирлянды, похожие на гроздь винограда или на кукурузный початок. Вокруг обструганной палочки накручивали черешки вишенок ягодами наружу, и получалось гигантское эскимо, только не белое, а темно-красное. Когда Веруська впервые увидела такую необыкновенную гроздь, она застыла перед ней с разинутым ртом и долго не могла понять, что же это такое. Папа тут же купил вишню на палочке, потому что тоже любил все необычное и красивое, а еще зачастую баловал детей. По дороге они отщипывали ягоды, и сразу же обнажался нехитрый каркас гирлянды. Веруська зажимала обглоданные косточки между большим и указательным пальцами и стреляла ими по кустам. Папа деликатно отворачивался в сторону и делал вид, что этого не замечает.

В июле, когда приезжал Сережа со своими родителями, вишню и мушмулу уже не продавали, их время отшло, зато их место занимали персики, сливы и груши. Веруська очень хотела объяснить Сереже, что такое мушмула и какой у нее вкус, но как ни старалась, все равно ничего у нее не получалось. А про эскимо из вишни Сережа вообще не верил. Он был старше и считал, что Веруська все выдумывает.

Впервые Веруська с папой приехала в Сочи, когда ей исполнилось пять лет. Врачи считали, что только с этого возраста, а не раньше, ребенка можно перевозить в другой климат. Потом они, наверное, стали считать по-другому, потому что в море весело барахтались даже грудные приезжие дети. Но тогда считали так. Когда Веруське сказали, что летом она поедет на море, она сразу же попыталась представить, что же это такое и как это море выглядит. Если ей о чем-то рассказывали, она всегда представляла это в уме. Правда, потом очень часто оказывалось, что все, что она представляла, выглядело совсем по-другому.

До отъезда на юг она пыталась представить себе море перед сном, когда ее уже укладывали в кровать, и никто уже не мешал видеть в голове картинки. Но почему-то море ей никак не удавалось представить. Она знала, что море – это очень много воды, гораздо больше, чем в реке. Она даже как-то спросила бабушку:

- А очень-очень большая река – это море?
- Нет, очень большая река – это просто большая река, – серьезно ответила бабушка.
- Тогда, чем же море отличается от реки? – удивилась Веруська.
- Море очень глубокое и в нем гораздо больше воды, – пояснила бабушка.
- Глубже этой комнаты? – и Веруська показала на потолок их старой дореволюционной квартиры.
- Гораздо глубже.
- И даже глубже дома?
- И глубже дома. Во много-много раз.
- Тогда как же я буду в море купаться? Я же сразу провалюсь до самого дна, – не на шутку огорчилась Веруська.
- Не провалишься, – успокоила бабушка. – Сначала у берега море неглубокое, только потом оно становится все глубже и глубже. Ты же не будешь прыгать в него на глубину, а будешь купаться у самого берега, там, где оно начинается.

Уже почти во сне Веруська, несколько подумав, представила уже это очень глубокое море. Получалась непонятная и прямо-таки страшная картина. Она увидела длинную реку, но не так, как видят ее стоя на ровном, плоском берегу, а будто в разрезе. Наверное, что-то похожее она подсмотрела во взрослых книгах. На одном конце, который у моря называется «берег», а у длинной реки взрослые называют это «исток», действительно было мелко, и вода не доходила до пояса. Но чем дальше текла эта странная река от истока, тем глубже становилось ее дно. Оно неуклонно углублялось, как в бассейне для начинающих пловцов, и с каждым шагом Веруська погружалась все глубже и глубже, и вот вода уже накрыла ее с головой. А она шла и шла по дну, совсем как Садко в подводном царстве из книжки. Дно спускалась все ниже и ниже, и видно было, что поверхность реки была уже выше комнаты, а потом и выше дома, потому что это была не река, а море, и конца этому не было видно. Веруська испугалась, ухватилась за край земли – ибо бывает вода и бывает твердь, – и, как по отвесной скале, выкарабкалась из воды и рухнула на зеленую траву. На следующий день ей уже совершенно не хотелось представлять себе это море, потому что картина получалась просто жуткая. Если она и поедет в Сочи, то в море не полезет ни за что. Ведь это же уму непостижимо: стоишь на краю земли и не знаешь, что под тобою, какая там глубина и где он, этот берег. Может быть, до него еще шагать и шагать много километров. А когда, наконец, дойдешь до этого берега-истока, то и купаться расхочется.

* * *

Когда они с папой приехали в Сочи, все оказалось гораздо лучше и проще. Она такого моря и представить себе не могла и сразу же его полюбила.

В этом году они приехали отдохнуть по курсовкам. Курсовочников встретили на вокзале и стали развозить по квартирам. Их с папой поселили на Парковой улице в угловом двухэтажном доме. Этот дом было видно издалека, потому что остальные дома были еще ниже.

На втором этаже этого дома была комната, окна которой выходили на террасу. Лестница в этом доме почему-то располагалась снаружи, и не было никакого подъезда. Веруське так даже больше нравилось: открыл дверь – и уже на улице.

Распаковав вещи и переодевшись, они пошли с папой обедать в санаторную столовую. Столовая была огромная, совсем как зал в театре или на вокзале, вверху на потолке нарисовано небо с облаками, а вокруг неба – красивые гирлянды из цветов. Веруська все время сидела, задрав голову, и смотрела на нарисованное небо. Она подумала, почему это на нарисованное небо гораздо интереснее смотреть, чем на настоящее? Наверное, потому, что настоящее небо всегда под рукой, оно никуда не девается. Когда захочешь, можно задрать голову и смотреть, если ты гуляешь на улице. Или подойти к окну и – гляди себе, сколько влезет. А нарисованное небо есть только здесь. Вот сейчас уйдешь отсюда, и его больше не будет. И потом, наверное, это самое красивое небо, какое только бывает на свете. Не зря же художник его нарисовал!

Когда они вышли из столовой, папа спросил, понравился ли ей обед. Веруська кивнула головой и сказала «ага». Но немножко погодя она хорошо подумала, и оказалось, что она даже не запомнила, что ела.

После столовой они пошли к врачу. Там Веруську поставили на большие весы и смешно стали двигать гирьками на железной перекладине, а потом измерили рост, прислонив к толстой палке с делениями и опустив на голову дощечку. Веруська постаралась встать на цыпочки, чтобы быть больше, но врач это заметила и велела ей не танцевать, а стоять ровно. А еще врача в красивом белом халате почему-то все время называла ее «больная», а сама при этом переглядывалась с папой и смеялась. «Больная, как вы себя чувствуете?», «Больная, на что жалуешься?». Веруська сказала, что она себя вообще не чувствует. А жалуется на то, что никак не может стать взрослой. Папа и врач опять смеялись и переглядывались. Когда они вышли, Веруська заявила, что у нее ничего не болит и об этом надо сообщить врачу, чтобы она не называла ее «больная». Папа опять засмеялся и сказал, что здесь всех так называют.

СТЕФАН ЭВКСИНСКИЙ, г. Сочи

Гуманитарий, филолог. Учил детей, работал в газетах, писал статьи. Инвалид. Живет в одиночестве, в субтропиках, где некогда угораздило появиться на свет. Следит за курсами криптовалют, доллара США и ценами на баранину. Натура, однако, возвышенная: любит искусства, набожен. Пишет стихи, прозу, режет по дереву.

Пастушки

Дед Арсений, муж Ольги Константиновны, сестры моего родного деда Георгия, не был мне и моим старшим братьям родным по крови, однако воспринимался нами, да и на деле был истинно родным дедом. Родился Арсений Николаевич на Севера Вологодской Области в затерянной в лесах деревне Ягрыш в многодетной крестьянской семье.

Отец его Микола, по прозвищу Ратник, служил в свое время в ополчении в Таганроге, отсюда и прозвище, и по рассказам деда был великий труженик, знал немало распространенных в крестьянском обиходе ремесел, столь блестяще описанных Василием Ивановичем Беловым в его «Ладе». Более того, он успешно занимался и таким делом, используя личное нововведение, о котором великий писатель, певец Русского Севера, в «Ладе» не упоминает. Микола-Ратник охотился в лесах с самострелом, – не замаскированный неподвижно стоящий капкан с луком и направляющей, а носил самострел с прикладом, более известный как арбалет. Однажды с помощью такого оружия Микола-Ратник застрелил рысь и сделал из ее шкуры великолепную шапку. Видимо, в лесу, где расстояния от стрелка до цели невелики, самострел-арбалет, не требующий ни свинца, ни пороха, да к тому же почти бесшумный, не распугивающий грохотом выстрела дичь – вещь эффективная.

У Арсения было четыре брата и одна старшая сестра, вышедшая замуж, когда Арсенька был совсем мальцом. Самое яркое воспоминание, сохранившееся о ней у деда – это памятьто том, как замечательно сестра умела начистить, согреть и поставить на стол самовар. Несмотря на лесную глушь, в деревне была лавка, где местный мужик-предприниматель торговал необходимыми в крестьянском обиходе вещами, изделиями и продуктами, среди которых важное место занимали чай и сахар, а еще и чай китайский, великолепный, вкусный и ароматный. Когда родители раскрывали новую пачку, Арсюха с братьями умоляли «дать китаянку» – вложенную в упаковку рекламную картонку с изображением китайской женщины в национальном наряде.

О своей матери он вспоминал с большой любовью, она так же была великая труженица, работавшая по хозяйству от зари до зари. Несмотря на то, что Василий Белов обошел вниманием охоту с самострелами, в чем-то содержание его произведения полностью совпадает с тем, о чем рассказывал мне дед. Белов пишет о том, что на Севере физические наказания не были распространены в крестьянских семьях. И дед Арсений, вспоминая о своем детстве, это подтверждал. Ни Арсюху, ни его братьев никогда не били. Дети боялись не родителей, – боялись огорчить родителей.

К труду они приобщались естественным образом, помогая матери по дому, отцу в поле и в лесу. Однажды долгим ясным северным вечером, на уборочной, когда работы подходили к концу, снопы связаны, и у всех, несмотря на усталость, было хорошее настроение, Деда Арсения, коему было лет пять, посетила мысль: «Хорошо бы было построить на небо дорожку!»

Примерно в том же возрасте дед начал зарабатывать и свои первые копейки, точнее «топейки».

Он долго не мог научиться выговаривать «к», и вместо «к» произносил «т». Так яйцо в их деревне называли коко, и маленький Арсений просил у мамы: «Мама, дай мне то-то».

«Что – то-то?»

Вечерами мужики собирались у кого-нибудь в избе и вели разговоры о судьбах мира и природе вещей. За беседой пили чай. Спиртное употребляли редко, по праздникам. Один из мужиков слышал, как Арсюха пел песенку, смешно искашая в силу своего детского дефекта речи слова. Рассказал о сем своим товарищам. И как-то, когда, выполняя поручение мамы, Арсюха зашел в избу, где собралось деревенское общество, чтобы позвать отца, мужики стали наперебой упрашивать его спеть песенку и посыпали за это копейку. Арсюха пел, мужики смеялись и заплатили аж пять копеек.

Снова мы должны отметить справедливость характеристик северной деревни Василия Ивановича Белова. Всякому человеку находилось там свое место, и люди с недостатками в здоровье, физическом и психическом, и даже порицаемым за нравственные изъяны, могли рассчитывать на снисхождение и приносить какую-то пользу обществу. Чаще всего мужики собирались в бедной избе деревенских лодырей. И хозяин, и его супруга не отличались трудолюбием, но ценили общение: шутки и разговоры, а глава семьи еще замечательно рассказывал сказки. Чаще всего избу именно этой, вроде бы непутевой семьи, особенно долгими зимними вечерами, заполняли деревенские мужики. Они рассаживались по лавкам, перекидывались шутками с лежавшей на печи бабой. Хозяин вossедал за столом . Баба жаловалась на мужа: лежать де жестко, – муж подушек купить не может.

– У тебя свои подушки хорошие – отвечал ей муж, вызывая тем дружный мужицкий хохот. После мужики принимались уговаривать хозяина рассказать что-нибудь, и тот заводил сказку о Бове-царевиче.

Лакомились дети помимо сахара, редко появлявшегося на столе... сосенками. Отец в определенное время года приносил из лесу молодую сосенку, обдирали кору и срезал ножом тонкий нежный, душистый, чуть сладковатый камбивый слой. Детям это было лакомство.

Воровали горох. Долго обсуждали и рассчитывали, у кого из мужиков на каком поле горох особенно хороший, и шли на дело. Если мужик обнаруживал налетчиков, то страшно и громко ругаясь, он кидался за воришками, а те, что есть мочи, бросались наутек. Однажды, у одной вдовы ребята натаскали огурцов, но не знали что с ними делать.

Александр Сергеевич Пушкин никогда не ел помидор. В его времена помидоры выращивались как комнатное декоративное растение. Их плоды не употребляли в пищу. История указывает на то, что уже в семнадцатом веке огурец был известен. Поп по прозвищу Огурец, ударивший в набат в Угличе, сразу после трагической смерти царевича Дмитрия положил начало Великой Смуте. Но на север Вологодской земли они пришли только к концу девятнадцатого века. Ребята не знали, что делать с огурцами. Порезали, сложили в плошку, налили в плошку воды, посолили и попробовали хлебать. Всем участникам эксперимента это сыграло роль огуречно-

водяной похлебки показалось отвратительным. Иногда, если дело касалось черемухи, дети отказывались от воровства и честно просили хозяек, у чьих окон росли деревья: «Дай, бабушка, черемухи поить».

Дед рассказывал об играх в какие играли в те поры деревенские ребята: о лапте и еще какой-то зимней забаве, отдаленно напоминавшей хоккей. Вместо клюшек — колья, вместо шайбы или мяча — замерзшие шары конского навоза. Игроки образовывали круг из выдолбленных в насте лунок. Каждый игрок имел свою лунку и защищал ее от того, чтобы другие игроки не закатили в нее навозный шарик. Сколько таких мороженых кругляков использовалось в игре, честно признаюсь, не помню.

Однажды мимо игравших мальчишек проходил деревенский пастух Касьян. И здесь мы находим подтверждение тому, что писал Белов о деревенских пастухах — людях часто ущербных, простодушных, что бы не сказать, слабоумных. Касьян тоже был ущемлен, и не только физически, но экзистенциально. Касьян был хромой, а именами у него были только раз в четыре года, 29 февраля, в високосный год. Дети над пастухом посмеивались, и, завидев на улице, бросались дразнить.

Так было и в этот раз. Ребята, кричали Касьяну вслед дразнилки, а Арсюха, подхваченный злобной и веселой волной детской агрессии, в свою очередь, сам подхватил замерзший тяжелый навозный кругляк и запустил им пастуху в спину. До глубокой старости дед переживал и не мог себе простить себе этот поступок, совершенный в порыве малолетнего зверства.

Касьян вставал на рассвете, вешал на грудь дощечку, шел по улице и звонко колотил в дощечку плашечками-колотушками. Женщины выводили ему коров, и Касьян вел стадо в лес.

Иногда, если Касьян хворал, коров доверяли пасться детям.

Как-то раз пасти выпало Арсюхе и его сверстнику и другу Афоньке. Поначалу все шло хорошо, но перед обедом, когда ребята отвлеклись на ягоды, стадо исчезло... Весь день, до глубокого вечера они ходили по лесу, орали-кликали, искали коров, — все напрасно! Выбились из сил, сели на полянке под рябиновым кустом передохнуть.

— Поесть не хочешь? — спросил Арсюха.

— От такой беды еда в рот не идет — ответил Афонька.

И вдруг прямо на несчастных пастушков из леса неторопливо стали выходить одна за другой деревенские коровы.

— Афонька, бачишь?

— Глазам не верю.

Все до единой коровы пришли к своим юным пастырям, живые и здоровые.

Вспоминая рассказы деда Арсения, я замечал, что в передаваемой им речи вологодских крестьян звучат слова, более уместные в украинском или белорусском языке: «бачишь» вместо «видишь», «исть» вместо «есть», «капицы» вместо «копны», «ейный» вместо «его»... Однако после из какого-то научно популярного издания, — ей Богу, не помню из какого, — я почерпнул сведения о том, что новгородские диалекты древнерусского языка были близки к языку древнепольскому. Север Вологодчины и Архангельскую губернию заселяли новгородцы.

В хозяйстве Миколы-ратали было два коня, оба Воронки. Воронок-молодой и Воронок-старый. Однажды, когда дед уже заканчивал церковно-приходскую школу, у ворот собрались деревенские мужики и парни помоложе с обузданными и оседланными лошадьми и с выочными веревками. Микола-раталик велел Арсюхе тоже седлать Воронка-молодого, а сам пошел к старому. Мужики собрались на «помочь», то есть, на совместную работу. Одинокой женщине, вдове, надо было вывезти из лесу бревна сваленных для избы деревьев. Бревно подвешивали сбоку коня и таким образом транспортировали лесом в деревню, ко двору вдовы. Когда лес свезли, вдова собрала мужиков в избе и всех обнесла чаркой. Дед поначалу не решался пить, взглянул на отца, но тот разрешающе кивнул: «Раз работал, пей». Дед выпил залпом, — ну гадость! Самогон ударил ему в голову, и что было после первых минут беспрчинного, но весьма буйного веселья, он не помнил. Мама постелила ему на полу и выругала отца. Дед валялся по полу, его страшно тошило. Поутру для обоих работников, Арсюхи и отца, затопили баню.

Поэзия

НИКОЛАЙ СКУДАРНОВ, г. Краснодар

У дома своего

Серебром распласталась тропинка,
Та, что лесом вдоль берега шла,
Но потом по деревне суглинком
Меня в старенький дом привела.

Постою – еще теплиться лето,
– Это ж детства моего закут!
Я считал, мои ангелы где-то...
Но сейчас убедился, что тут.

Буду трогать забитые окна,
К вербе ранней притиснусь щекой.
Эх! Встряхнуть бы мне силы, да токмо
Телу нужен душевный покой.

Прострелила шелковой бородкой
По низине, вокруг городьба.
– Опрокину-ка горечь я водкой,
Как заборную участь судьба!

Посижу, ошарашенный «громом»,
Тихо вьется вдоль улицы свет.
«За тебя!» Еле слышно, со стоном.
Еще тише: «За тех, кого нет».

* * *

Вчера, как только зал затих,
Поэт нам вымотал всю душу:
Один мы ждали только стих, –
Он все заставил слушать...

Иной поэт начнет читать,
Чтоб только душу измотать.

Быль

Не из любви к своей Отчизне,
Мой друг, ты вывел рассказ,
И этот миг суровой жизни
Я вспоминал немало раз.

Мы вышли за полдень, дорога знакома –
Тропою вдоль речки, с мольбой через лес,
Швырял ветер тучи – порывом дракона,
Завьюжил листвою с земли до небес.

В другое село, деревенским привычно,
Пешком по развилкам осенних дорог,
Вдруг что-то такое бахнуло зычно...
Рвануло за тенью с водой на порог.

Неслось, оглушая, как пыльные грозы,
Мой пес испугался, и крался у ног,
А страх нарастал, увеличивал дозы,
Не каждый бы пес это вынести смог.

Осенним дождем разметало плотины,
Обдало лицо словно ветром-платком...
В теснине печали, ковром-паутиной
Друзей закрутило, как пыль с пауком.

Цепляясь за корни, за ветви, за скалы
Я взгляд, утомляясь, метал в небеса,
А где же мой друг? Упирается малый,
То видно, то слышно, и нет уже пса.

Сейчас украшаю – в тот миг не до смеха,
Тернисты дороги – вперед, пацаны...
Смелы мы в обойме, нахальны в утеше,
Один со стихией. О! Выжми штаны.

Но вдруг все затихло. Надолго ли это?
По руслу разбросаны ветки да грязь,
Поляна по склону, где рвали букеты,
Сплетенная ивами прочная вязь.

Прошло травой запоздалую осень,
Как светлую память. А пес ли живой?
Прошло дней пятнадцать, а может быть восемь,
Вернулся в ту пору один я домой.

Сосед мой Петрович – охотник таежный,
Приметам искусен – отменный грибник,
Характер, что сталь, боевой и мятежный,
Так вот этот путник в лощину проник.

Двуднями назад, в половине, под вечер,
По той же тропинке протопал, как лось,
Да будь он неладен, иль просто беспечен,
Кто знает, как скоро узнатъ довелось,

Что тенью собаки, а может быть волка,
Все там же, где сътным считают порог,
Со старого кедра смахнуло иголки,
Но кто это был, разглядеть он не смог.

Какой разглядеть! Кто к закату посмеет
Остаток пути в темноте-то топтать?
Посмотришь наотмашь – заря пламенеет,
Прикинешь на время – как верст сосчитать?

Как кто-то колнул в мою дерзкую печень,
Как что-то сломалось по-детски в груди,
Неужто! Не помнишь? – он шеей отмечен,
Внизу треугольник, вот здесь, впереди.

Я сыпал, вопросы, себя утешая,
Что мог он, не зная, ни бог он, ни царь,
Но весть захолустная вновь воскрешает,
Жива ли родимая, верная тварь...

С утра, спозаранку, скорее, скорее,
Что ж добрая весть, и счастлива рука,
Взлохмачена ночь и восход уж виднее,
Блестит заведенная в берег река.

Как вкопанный встал, мне бы лечь и напиться,
Вздохнуть бы мне ровно и выйти из тьмы,
Но верите братцы, я б рад насладиться.
На той же лощине вновь встретились мы!

Мы долго глядели, я в небо, он в воду,
Рюкзак подо мною, под ним лишь земля,
Я спрашивал сердцем – какой он породы?
Домой шли мы вместе – собака и я.

Случай

Видно, ветку рябины в пути
Обронил на снегах грузовик.
Было б легче ее обойти...
Понесло же меня напрямик.

По России бесхозных дорог.
Можно долго на пальцах считать,
Час по ветру спешил и продрог,
Оступился, хотел уже встать,

Но заметил лежащий комок,
В темноте непонятный для глаз.
Нет, не кукла из фетра – щенок,
И на морде обрывки от фраз.

Вроде, жив? Показалось, моргнул.
Ближе к ночи крепчает мороз.
Осторожно в пальто подвернулся,
Чтоб не видеть растаявших слез.

Тупая охота

Что-то сердце бьет тревогу,
Что-то сердце ждет в тоске:
Может, дальнюю дорогу.
След вороний на песке?

Может, холод зимней стужей,
Страх ли бродит на снегах?
То печаль кружит и вьюжит
Со слезой нужды в глазах.

Да! Печаль тропой струится.
Дым – огонь коварный с ним,
Может, может все случиться
Лишь мгновением одним.

Оборвался след поляной,
След гранатовый остыл...
Дальний лес да запах пряный.
Ночь врагом заходит в тыл.

Была страхом, стала прахом,
Человек, по сути, туп...
Лишь пожрать, порвать рубаху
И нагадить прямо тут.

Спрятан город вдалеке,
Где толкуются горы...
Томь в извилистой реке,
Водам где просторы...

Где туман – полыни друг
Тихой летней ночкой,
Где мороз кружит не вдруг
С внучкой или дочкой.

Где заводов тихий спор
Меж собой, как братьев...
И сорочий шумный втор,
Как на свадьбе сваты...

Где сапожник без сапог,
Потому что жарко.
И не тронут василек,
Потому что жалко.

Где стучатся под землей,
Как стучатся в двери...
Глубина там – ой-е-ей! –
Метров сто, не веришь?!

Солнце светит что есть мочи
Сквозь земные тучи,
Соловьи поют средь ночи –
С каждым летом лучше...

Здесь живут, поют и любят,
Словно в первый раз...
И на праздник чуть пригубят –
В мой ты веришь сказ?

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕПАНОВ

Александр Черепанов родился в 1953 г. в Улан-Удэ. Закончил Бурятский педагогический институт. Работал журналистом, учителем, мотористом теплохода, строителем, художником по камню. В Краснодаре проживает с 1979 г. Член Союза российских писателей.

На круге

Мы на шлее в пятнадцать метров
Коня убойного вели,
Бряцая ножами, за ферму,
На круг утоптанной земли.

И что за любопытство злое
Тянуло к этому меня...
И без кровинки голубое
Сияло небо надо мною.
Я шел смотреть, как бьют коня.

Покрыли голову рогожей,
Чтоб конь не видел смерть свою.
Подняв шлею, уперлись тверже,
Я тоже взялся за шлею.

И крупом он осел, напрягся
Тот конь с мешком на голове.
«Безликая живая масса
На дурно пахнущей траве», —

Так думал я, пока забойщик
Ловил момент, чтобы сплеча
Ударить раз один, не больше.
Не промахнуться сгоряча.

Забойщик медлил кривоногий,
Широкий в скулах и в плечах,
Согнутый, как совиный коготь,
Легонько молотом качал

И в ритм входил. Чтоб в центр, как в кегли.
Он ждал, чтоб бить не наугад.
Он ждал, чтоб бить момент, и медлил...
И все же он промазал, гад!

И бился конь с разбитым глазом.
И брызгал кровью из ноздрей,
Пока забойщик раз за разом
Меж глаз попасть не мог и... мазал.
И конь нас сволочил: «Скорей!» —

Кричали мы, и был натянут
Ремень, и небосвод багров.
Мы отирали с глаз локтями
Летящую нам в лица кровь.

Мы запоганивались кровью,
Той кровью, чистой и живой,
Пять сволочей у изголовья
Коня с разбитой головой.

Молчала степь, трещали кости,
Дымились конские бока.
Я намотал, чтобы не бросить
Ремень, на оба кулака.

Я встал на правое колено,
Конь на переднее упал,
Дохнул утробно красной пеной,
Потом заваливаться стал,

И задрожал с такой натугой,
И очищеньем от земли,

Что понял я: небесным лугом
Копыта конские прошли.

Прошли они небесным лугом.
И я кидаю вам шлею.
Я написал об этом круге.
И в центре сам теперь стою.

Попугай

Безвестно как попал в наш край,
Облюбовал себе орешник,
И жил огромный попугай,
Цветной, нахальный и нездешний.

Индус какой-нибудь в порту
Отдал его за пачку мыла.
Команда птицы полюбила,
Давала перцу какаду,
Словам учили птицу ту.
И птица родину забыла.

И флотским стал тот попугай.
Знал слов все больше рейс от рейса.
Завидев берега Гавай,
Кричал: «Встречай меня, Одесса!»

И, обижаясь на людей, кричал:
«Карамба, сеньоры!
«Какая скуча на воде!»
И добавлял: «Ловите вора!»

Но как-то раннею весной
Списался на берег хозяин,
В мешке принес к себе домой
И сунул в клетку попугая.

И попугай наш замолчал,
Ошеломлённый вероломством,
Кричал по-птичьи по ночам,
И в угол прятался от солнца.

Но в жизни раз всегда бывает,
Когда блеснет на трубах медь.
И нас большой простор встречает.
Вот так и с нашим попугаем:
Его забыли запереть.

И он раздумывал не долго,
Всем осторожным не в пример,
И, воровски тряхнувши челкой,
Нырнул в незапертую дверь.

Потом – в окно.
На столб уселся.
Двор философски оглядел.
Сказал: «Веселенько дельце!».
Сказал. И к лесу полетел.

Он поселился на кладбище,
Где буйно зелень разрослась,
Где без присмотра зрели вишни,
Где все свои. И нету лишних.
Где место каждому из нас.

Но он про то не ведал просто.
Цветной и бойкий, как петух,
Он сквернословил на погосте,
Пугая набожных старух.

Шныряя меж дубов и сосен,
Гонял он дятлов и ворон.
В сады повадился под осень,
Где наносил большой урон.

И плод, срывая с ветки лапой,
Он подносил его к глазам,
И царственno, как римский пapa,
Едва лишь надкусив, бросал.

Когда же, выбежав из дома,
Хозяин гнал его, крича,
Он говорил: «Прошу пардона!»
Или презрительно молчал.

Картечь вложив рогатке в кожан,
Вели охоту пацаны,
Но попугай был осторожен.
На свете он немало прожил,
Людей он знал – и кто они,
И на кого порой похожи.

Но выпал снег в лесах окрестных,
И, удивляя зимних птах,
Гляделся так он неуместно
В лесу пустынном на ветвях.

Никто не видел попугая,
Когда ударила зима.
Когда ж взорвались грозы мая,
Сады зеленые ломая,
Врывааясь свежестью в дома,

Явился, как ворона, черный.
Отмылся в лужах у дорог,
Стал с виду ангелом из черта.
На кладбище вернулся гордый
И сел на чей-то бугорок.

Но он вернулся нем и вечен,
Вражду и дружбу пережив,
Он дятлов больше не калечил.
Сядясь крестом косым на плечи,
Он ночь от звуков сторожил.

Но птицы глупые кричали,
И соловей катал кадык.
И только мертвые молчали.
Молчал и он, жилец случайный,
Нашедший с мертвыми язык.

СЕРГЕЙ ЛОХА, г. Краснодар

Рок-бард, дипломант литературного конкурса «Рождественская звезда». Член литературного актива представительства Союза российских писателей в Краснодарском крае.

* * *

С шоколадного Деда Мороза
Я снимаю тулуп-золотинку,
До чего ж величавая поза! –
Ну-ка, дай – откушу половинку...
И, под натиском крепкого зуба,
Затрещал толстый слой шоколада!
Ах, зачем поступил я так грубо?
Ах, на что мне такая отрада?
Был дедуля красивым и целым...
(Хоть и полым внутри, без начинки),
Коренастым, как негр, загорелым...
Что осталось? – фольга да соринки.
На кондитерской фабрике создан –
Монолит, нерушимая льдина! –
Малым детям под елочкой роздан...
Ну, а я-то уж взрослый детина –
Взял и слопал его в два присеста.
(Дети долго бы мучились – грызли),
Я ж теперь не найду себе места –
В душу лезут поганые мысли.
Голос совести вдруг пробудился,
И корит безответным вопросом:
«Как же ты на такое решился? –
Ты ж работаешь... Дедом Морозом!»

Эпоха суррогатов

Когда-то были времена –
Ты мог везде отведать
Бокал чудесного вина,
И дичью отобедать,
В дубраву зверя отпугнуть
Здоровою отрыжкой,
Одной рукой подковы гнуть,
И не страдать отышкой.
Теперь уж так не может быть –
Людишек расплодилось...
И где ж на всех еды добыть,
Скажите мне на милость?
Вломилась дерзко в нашу жизнь
Эпоха суррогатов...
Держись подальше, друг, держись
От пищекомбинатов,
Где лоб готовы расшибить
За поиском циничным –
Как натуральное сменить
Дешево-идентичным?
И консерванта сколько влить
До нужного значенья,
Чтобы его могло хватить
На всех без исключенья?
Котлы вскипают – это в них
Готовят суррогаты.
Не остановят ни на миг
Ядрены агрегаты,
Ингредиенты, как всегда –
Сплошные химикаты,
Из труб тяжелая вода,
И зелья-концентраты.
Съедают люди эту дрянь
С завидным аппетитом,
И спрос растущий, как ни глянь,
Лишь на руку бандитам.
Пусть кто-то гадость ест и пьет,
Стремясь набить утробу,

Отрава сразу не убьет,
Подтянет лишь ко гробу.
И ты, как будто полон сил,
Но весом – центнер с пудом -
Желудок, печень износил
Pit-Stop-ом и Fast Food-ом.
В продукты стали добавлять
Такие компоненты –
Их съешь, и лет так в тридцать пять
Ты станешь импотентом.
А если блюда заправлять
Обильно майонезом,
Есть риск потом всю жизнь страдать
В постели энкопрезом.
Колотят пиво с порошка,
Бадяжат с димедролом...
Сплошная пена в три вершка
Стоит в бокале колом...
В часы прогулки хороши
Сосиски и котлеты,
На старом масле беляши
Раз сорок разогреты.
Подступит к горлу в тот же миг
Проклятая изжога,
Едва блаженства ты достиг
От Pepsi и Hot dog'a.
«Джин-тоник» залпом в рот залив,
Ты станешь бел, как иней –
Ведь в яркой банке – реактив,
Разъевший алюминий!
Купив же к чипсам, как престиж,
Сухарики (до пары),
Ты не по-детски захрустишь -
Возможно – под фанфары...

P.S.

Но все же, всем смертям назло,
Я пью за то, чтоб ...пронесло!
(Эпоха суррогатов -
Кому-то... дрянновато).

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, г. Краснодар

Семнадцать мгновений южного снега
Что в окно заскреблось?
Снег или дождь?

Тает первый снег
К золоту листвы
Жмется серебро снега.
Мокрая земля.

Второй снег
Мокрый снег
Без красоты и эстетства.
Измеряю лужу.

Снег выпал из пролетавших туч,
Не может уже взлететь.
С кучи листвы
Смотрит в небо...

Я снежинка?
Ветер?
Или асфальт

Новогоднее
Хомячок среди оптических кабелей
Пробирается к свету лунного снега.
Снег как жемчуг, перетертый в муку...
И черный хаос успокоился в этой муке,
Как праздничный пудинг.
Сытые совы вяло взбивают
Снег крыльями.
Но хомячок не видит этого
Из-за снега.
Он видит луну в одеяле
Из туч песцовского цвета.
И тени парящих сов.
«Это сова или ангел?»
Думает хомячок.

Снег
Снег, наклоняясь, заглядывает в окно,
Приблизив лицо к стеклу.
Надо мной нависает он.
Снег, опустившись
Лег вокруг дома,
Как удав вокруг своей кладки.
Что он высидит из меня?

Белое
Утро.
Чрез снег в тумане
Путь долгий.
Вспоминают родных
Перешедшие через реку.

Снег на Кубани
Снежные тучи
Как орды кочевников,
Только бесшумных и молчаливых.
Проносятся, пуская белые стрелы.
Уходят, оставляя стылые лужи.
И черную холодную землю.

* * *

Давно тает
Снег молчаливый,
Сколько раз...

* * *

Серые ветки
Обмахивают серый шифер
От снега, которого нет.
Он решил задержаться в небе,
С луной в шиншилловом палантине
Из туч, танцующих белый танец
Под взглядом звезд...

* * *

На мгновенье
Властиен
Снег над Египтом...

* * *

Снег наплясался
Оседает устало
В ртуть луж...

* * *

Мокрый снег
Съежился на траве
Подальше от черного асфальта.
В отмытом небе –
Белая звездочка.

* * *

цветы или снег
на ветвях?
черно-белый мир.

* * *

снежинка на лепестке
растает или завянет?
Высоко, вдали
Снег в горах
Иной мир...

Родная речь

ИГОРЬ ЯСИНСКИЙ, г. Краснодар

Лачо дром!*

(О цыганском поэте Иване Романо)

В начале этого года ушел из жизни Иван Михайлович Панченко (Романо) – единственный в России русскоязычный цыганский поэт, длительное время проживавший в Краснодаре. Помимо стихотворений он писал прозу, публицистику, сценарии к фильмам.

Родился Иван Михайлович 75 лет назад на Алтае, в таборе, когда значительная часть цыганского племени как раз кочевала.

В 1956 году в СССР вышел указ о запрете кочевья, однако процесс вхождения цыган в оседлость растянулся не на один год. Именно тогда умудренный жизнью отец Михаила пришел к выводу, что в новой жизни сыну может понадобиться образование. И – в дальнейшем его прогноз на сто процентов подтвердился. Иван стал посещать занятия, окончил все десять классов, поменяв ... 12 школ. Отец договаривался с хозяевами, приплачивал, а потом забирал и устраивал хлопца в другую школу по мере движения табора.

Образование давалось чернявому цыганенку легко, и к учению он активно тянулся, чего не скажешь об очень многих его юных соплеменниках. Это сейчас в цыганской среде приветствуется образованность. А тогда многие родители говорили: «Зачем учиться? Это не наше. Вот коней надо знать, чувствовать их, ощущать, чтобы выгодно менять».

«Именно тогда, – вспоминал Иван Романо, – у меня и начала проявляться тяга к стихослагательству. Бывало, едешь в седле на перегоне, а откуда-то сбоку или даже сверху некий голос вроде как шепчет, причем, на русском языке. Если бы был безграмотным, все бы кануло в никуда. А тут я начал делать записи. Ну, и процесс пошел».

После школы Иван Романо получает образование в Горно-Алтайском педагогическом институте на литературном факультете. Здесь он глубинно знакомится с русской и советской классикой, лучшими образцами мировой литературы. И сегодня в его обширной библиотеке на самом видном месте – Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гоголь, Толстой, Байрон, Диккенс, Мопассан... А тогда, после выпуска, Иван, как говорится, пошел в народ. Сколько сил, времени и энергии было потрачено на приобщение соплеменников к грамоте и культуре! Им организовывались цыганские школы (как правило, один максимум – два класса), курсы или просто факультативные занятия. Стезя эта была трудновыполнимой и тернистой. Сначала надо было договориться с местной администрацией, что дети вроде как осевших цыган станут посещать школу, согласятся учиться. Когда соответствующие структуры удавалось убедить, та выделяла какое-либо помещение, где почти всегда необходимо было делать ремонт. Хорошо, ремонт сделан, дрова получены, можно классы протапливать. Теперь предстояло самое главное – найти понимание у соплеменников. Так те порой еще начинали торговаться: а форму детям выдадут? А обеды будут? Приходилось опять кланяться району, гороно, всяким начальникам. Те, впрочем, со скрипом или без, но всегда выделяли партии, мебель, форму и т.д.

Начинались занятия. Некоторые предметы вел сам Романо, другие – русские преподаватели. Иногда класс был чисто цыганский, особенно, когда ученики русский знали плохо и не имели первичных школьных навыков. Некоторых, кто пообразованней, пристраивали в русские классы. Ну, вроде, дело закручивалось. А по весне, особенно, когда преподаватель куда-либо отлучался на день-два, цыгане только не шумною толпою, как у Пушкина, а потихонечку, втихаря снимались места – и опять кочевать. Привычка! Романтика!! Школьная форма откочевывала тоже. У Ивана Михайловича порой руки опускались. В одном из своих стихотворений поэт так прямо зло и говорит, имея в виду времена бескультурия и нищеты: «О, прошлое, когда ж издохнешь ты, чтоб мне с тобою никогда не встретиться?!». Но проходило время, и он снова упорно принимался хлопотать. С годами стали проявляться и успехи.

Еще, будучи в институте, Иван Романо за поэзию взялся основательно. Став, благодаря упорству и труду, исключительно грамотным человеком, он и сам понимал, что заложенный Матерью-Природой или Отцом Небесным (кому как угодно) дар необходимо воплощать. Все его труды – исключительно на русском. А вот основаны они на реальных событиях из жизни именно цыган. В рассказе «Малярга» описана трагедия семьи, когда алчный и заносчивый отец сломал жизнь сыну, который любовь не захотел променять на выгоду. События происходившие в таборе в дореволюционной России, давно стали притчей. А вот в труде «Орлик» действие разворачивается уже в колхозе, где цыгане, следуя соответствующему постановлению, вынуждены были осесть. Здесь повествуется об удивительной, смелой и целеустремленной девочке Мурице, когда ее родню принудили сдать своих лошадей в колхоз. У нее был любимый конь Орлик, которого она воспитывала, когда тот еще был малюсеньким жеребенком. Горбушечки хлебушка носила любимцу, соль, головки сахара... И – вопрос чудо-коны: по стандарту породистый, статный, выносливый, ласковый, но – с характером. И тут девочка узнает, что Орлика хотят направить на лесопилку, где он, конечно, свои качества утратит. А позже его вообще собираются обменять на доски. Да как это так? Так вот, бывшая маленькая хозяйка прорвалась на прием к председателю и доходчиво тому объяснила, что это не просто конь, а очень ценный конь, если кое-кто не понимает. (Диалог девочки и председателя – прямо-таки отдельная песня). А тут по краю объявили о начале конноспортивных соревнований. «А не выставить ли нам Орлика вместе с тобой, коль ты такая умная и отвечаешь за коня?» – резонно подумалось председателю, который уже поверил в маленькую наездницу.

Трибуны – под завязку. На коне – девчонка. Ух, ты! Ха-ха! Но – как она неслась, как шептала любимому коню слова поддержки, как просила не замедляться! И конь, казалось, слышал и понимал ее. Будто ветер подгонял их, помогая прийти первыми. Надо избавить Орлика от лесопилки, а еще, чтоб наш колхоз победил. А ее колхоз, стоя на трибунах, весь ревел, размахивал руками, поддерживал. Победа, тяжелейшая, но абсолютная и однозначная. Верного Орлика, который приходил после победы в себя полдня, позже оставили на воспроизведение породы,

которая, кстати, себя очень хорошо показывала. Так что девочка, хорошо разбирающаяся в лошадях, оказалась права.

Сюжет рассказа «Подарок Черген» тоже взят из жизни. В сельскую больницу срочно доставляют пожилого цыгана с острым приступом аппендицита. Надо немедленно резать. Доктор, примчавшись по вызову, сразу приступает к операции – а счет шел на минуты. К счастью, успели, и все обошлось. Дочь пациента, когда тот уже пошел на поправку, хочет отблагодарить врача, да только семья ее бедна. Впрочем, у девочки имеется фамильное жемчужное ожерелье. Вот его она и хочет отдать доктору. Но тот такой дорогой подарок принять отказывается. Девочка настаивает, ибо реально ее отец был спасен от смерти. Тогда врач предлагает компромиссное решение – он просит развязать тесемку и, сняв самую маленькую жемчужину, подарить ему. На том радостно и порешили.

Поэзия в некотором роде сыграла свою роль в создании семьи Романо-Панченко. Во времена юности Ивана телефоном, почтой и телеграфом являлся у цыган язык. «Жили в лесу, молились колесу» – говорит в одном из своих рассказов он. «У нас была дальняя родня из городских цыган, которые занимались коммерцией, ремесленным трудом. Интеллигенция, одним словом. Среди них – юная, и, по отзывам, очень даже симпатичная девушка Галия. Короче, наши родители нас засватали – тогда не спрашивали: хочешь, не хочешь. Но! Как только Галина узнала и, главное, послушала, как читает свои стихи лихой и статный Иван, сердце с той минуты у чернобровой дивчины стало принадлежать русскоязычному цыганскому поэту бесповоротно.

«Конечно, – говорил Иван Михайлович, – я прошел через скитания, кочевье, неустроенность, если не сказать больше. С другой стороны – костер, природа, вечное движение, восходы солнца, Луна – спутница влюбленных. Романтика!».

...На счету Ивана Романо пять книг. Но сказал он далеко не все. Остался обширный архив.

Примечания:

* *Лачо дром!* – цыганское приветствие или пожелание (буквально «Добрый путь!»).

ИВАН РОМАНО

Казалось, все заполнил этот зной.
Ты точно с неба по лучу спускалась.
И я стоял небритый пред тобой,
А ты смеялась.

И было это чудно, как во сне,
Когда все очертанья тают.
Ты что-то долго говорила мне,
А что – не знаю.

Ах, это солнышко всему виной!
В лучах его казался нереальным
И этот нестерпимый зной,
И звон хрустальный.

Ломались тонкие осколки фраз,
Былое в памяти все затерялось.
Но вспоминаю я в который раз,
Как ты смеялась...

ИВАН РОМАНО

Орлик

Мурица вошла в дом. Отец боком сидел на скамейке, смотря в густившуюся темноту за стеклом, дымил цигаркой. Он мельком взглянул на вошедшую дочь и снова отвернулся. Мать бросила рукавицу, которую чинила, молча нарезала хлеб, собрала на стол и стала у печи, подперев ладонью щеку. Отец сегодня не спрашивал, как там, на ферме, как работалось и, вообще, что нового. До новостей он охоч, и Мурица, приходя с работы, рассказывала ему о ферме, а раз даже водила его туда. Смотрел, удивленно покачивая головой:

— До чего додумались. Навоз и тот машиной, а мы, цыгане родились в лесу, молились колесу.

Почему молчит сегодня отец, почему? И мать тоже. Поскорились? Это так бывает, но мать сразу пожаловалась бы ей, дочери. Мурица, как всегда, пожурила бы отца, он, улыбнувшись в желтые от табака усы, обвинил бы мать. Она, мол, виновата, сама начала.

Мать не жаловалась.

— Слышала? — отец выпустил в стекло тугую струю дыма, — Орлика нашего в лесхоз отдают.

— Вот не вытерпел, — глянула на отца мать, — не дал человеку поесть.

— Что? — бросила ложку Мурица.

Отец затолкал окурок за заворот валенка, отвернулся от окна, и Мурице показалось, что сгорбленная фигура его стала еще меньше.

— Орлика, говорю, в лесхоз отдают.

— А ты что сказал?

— У чужого коня подкова отлетела — нам не беда.

Отец сгреб пятерной бороду, будто собираясь ее вырвать.

— Да что сказать, глупая? Чтоб смеялись? Хочешь — скажи.

— И скажу, не побоюсь.

— Скажи, скажи. Конь-то теперь не наш, колхозный.

Мурица ушла в горницу. В открытую дверь видела, как отец сворачивал очередную цигарку. Его сухие пальцы, похожие на корни, тряслись, с бумаги сыпались на половицу крошки махорки.

В эту ночь Мурица долго не могла уснуть. Вспоминалось: Орлика жеребенком купил отец. Ей, Мурице, тогда двенадцатый год шел. Она полюбила Орлика, тайком от матери давала ему куски хлеба, густо посыпая их солью. Жеребенок привык к Мурице, мог днями, как собака, ходить за ней по табору. А через три года, неказистый, мышастый, с обвисшей на брюхе шерстью, Орлик превратился в вороного рослого красавца. Длинная тонкая шея его точно выстрижена из бумаги, выпуклые глаза всегда ясные — и Мурица видела себя в них, как в зеркале. А про широкие ноздри Орлика цыгане говорили, что в них хоть кулак толкай. Чего только цыгане не давали за Орлика: и пару лошадей, и подушки чисто пуховые. Но отец всегда отвечал: «Нат, на парував»*. Знал отец, что во всем таборе нет лошади, равной Орлику. Да чего там в таборе! Помнит же Мурица — недавно это было — съехались у какого-то сада на широком лугу три табора. Поставили палатки, и образовалась большая цыганская деревня с кривыми улочками, с дымными кострами, со звоном колокольчиков.

Мужчины собрались под большой старой ветвой договориться о скачках. Сразу же, как только отец услышал об этом, подозвал Мурицу и зашептал:

— Иди, Орлика поймай, разомни хорошенко там, за кустами. Поняла?

Мурица мотнула головой, хотела сорваться с места, но отец взял ее за руку.

— Чтоб ни одна душа не видела. Потом там, в кустах, привяжешь, пусть постоит. Смотри, чтоб не сорвался, да к воде... Убью. Беги.

Жара стояла невыносимая, цыгане ждали, когда сядет солнце — по холоду бежать удобнее. Лошадям легче. А пока под ветвой спорили, чья лошадь будет первой, спорили до хрипоты, стараясь друг друга перекричать, и никто никого не слушал. Наконец, унялись, разбрелись по палаткам, пили густой чай с завалывшимися в мешках кусками черного хлеба. Напившись, залезали под телеги и засыпали там, положив под голову седелко или хомут.

Солнце постепенно скатилось к земле, а скоро и совсем спряталось за ее краем. Только лучи его еще окрашивали розовым светом плывущие высоко в небе облака.

Мужчины привели с луга лошадей, подвязали хвости. Мурица — тоже. Седоки-цыганята в драных цветастых рубашках и вельветовых штанах терпеливо ожидали, когда разрешат сесть и поразмять лошадей. Среди них единственная девочка — она, Мурица, да один пожилой цыган не доверил коня пачанве. Цыган скинул болотные сапоги, верхние штаны, рубаху и остался в одних подштанниках. Он их лихо закатил выше колен и ловко вспрыгнул на спину своего игренего**.

Мурица держалась в стороне от мальчишек, но все равно видела, как они подсмеиваются над ней, тычат бичами в ее сторону.

— Чего смеетесь, злыдни? Она вам покажет, — сказал Пархай, мальчишка из табора Мурицы.

Пархай знал Орлика, не раз катался на нем. От слов этих Мурице стало веселее, и она вздернула коня, пришпоривая его пятками. А на Пархая, крутясь на лошадях, обрушили свои взгляды-стрелы все пятнадцать всадников.

— Кому покажет?

— Соплюха.

— Пусть тебе покажет! Невеста твоя. Да?

— Может, коня придержишь, а она вперед? Поехали! — крикнул пожилой, и все поскакали за ним. Заклубилось, побежало вслед за всадниками серое облако пыли. Мурица не заметила, как промелькнули сорок столбов заезда. Руки ее устали сдерживать разгоряченного Орлика. На тыльных сторонах ладоней отпечатались красные полосы от врезавшихся узких ремней повода.

— Стой! — скомандовал пожилой, разворачивая игренего.

— Становись! — все выстроились с ним в ряд, ждали команды.

— Пускай! — пожилой вырвался вперед. Взвизгнули бичи, и все заглушил топот бегущих лошадей.

Только один всадник остался позади Мурицы, других нужно обгонять. Мурица закусила губу и крепче прижала босые ноги к вспотевшим бокам лошади.

Из-за пыли почти ничего не было видно, но она засекла боковым зрением, как одну за другой обходит Орлик лошадей, обходит легко, не вкладывая в бег всех своих сил.

Перед Мурицей теперь скакало всего три всадника.

Вот она поравнялась с пареньком из чужого табора, лошади мгновенно пошли голова к голове, и Мурица видела растерянное лицо паренька, видела как он беспрерывно хлестал своего коня сложенным вдвое бичом. Это было всего лишь мгновенье, и ее Орлик пошел вперед. А там впереди еще один – Пархай. Его Мурица узнала по широкой, надувшейся пузырем бардовой рубахе. Пархай оглянулся, увидел ее, Мурицу, и стал прижимать коня к обочине. А когда она поравнялась с ним, крикнул:

– Догоняй!

Пожилой скакал недалеко. По обоим бокам игренего гулял его тонкий, длинный бич. Пожилой стегал коня не как мальчишка, торопливо и не сильно, а методично, от всего плеча, стараясь достать концом бича нежной, чувствительной кожи брюха. Мурица догнала его, но обойти не удалось. Пожилой не думал уступать дороги, он мчался посередине, а бич визжал прямо перед мордой Орлика. И Орлик не шел – боялся. Так бы он и пришел к мете за хвостом игренего, но Мурица свернула с дороги и поскакала по траве обочины.

– Давай, Орлик, давай, – шептала она и легонько тронула коня концом повода. И Орлик, казалось, оторвался от земли, полетел. У Мурицы захватило дыхание. Скосив глаза, она увидела, что пожилой позади – и легко направила коня на дорогу. Теперь она знала – Орлика не догнать. Теперь первая она, Мурица.

С коня ее снял отец. Она не слышала, как хвалили Орлика, как кто-то снова предлагал отцу меновую. Кое-как она добралась до своей палатки, упала в посланную уже постель и не поднималась до самого утра...

В кабинете председателя всегда многолюдно. Особенно утром. Здесь бригадиры, завфермами, и просто колхозники, пришедшие по какой-либо надобности. Мурица приходила сюда впервые два года тому назад, когда вступали в колхоз, просилась на ферму.

Принял ее тогда сам председатель, Степан Егорович, полный, лысоватый мужчина лет пятидесяти, с серыми живыми глазами, весело глядевшими на Мурицу из-под густых седеющих бровей.

Принял председатель юную посетительницу ласково, долго беседовал с ней и под конец сказал:

– На ферму примем пока ученицей, но только непременно в школу чтоб ходила. Нельзя, невозможно такой молодой и безграмотной.

С того времени не было, кажется, дня, чтоб Мурица не была на ферме или пропустила занятие в школе. И вот сегодня на ферму ушла мать, ушла чтоб подоить корову за Мурицу. Мать научилась доить машиной у нее, дочери, хотела работать, да здоровье не позволяло.

Из кабинета вышел последний посетитель, надо заходить. Надо, а сердце у Мурицы стучало так, что его удары отдавались в висках. «Что это, боюсь?» – думала она и, стянув с головы полуушалок, стала поправлять волосы. Упругие черные пряди плохо подчинялись рукам, и, в конце смущенная, злая на себя за свой страх, Мурица открыла дверь. Председатель, склонившись лысой головой к столу, что-то торопливо писал.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, – поднял голову председатель. – Проходи, садись.

– Постою. Я к вам, Степан Егорович, по делу.

Председатель улыбнулся, погладил пальцем нависшую бровь.

– А ко мне без дела не ходят. Что-нибудь на ферме? Рассказывай. Да садись, садись, чего стоять-то?

Но Мурица не села, а чуть ближе подошла к столу.

– Нет, не на ферме. Я к вам об Орлике пришла поговорить.

Председатель теперь удивленно смотрел на Мурицу.

– О каком Орлике?

– О коне, что в колхоз мы сдали.

– И что же?

– Отец вчера мне сказал, что хотите Орлика в лесхоз отдать.

– Ах, да. Лесхоз. Вспомнил! Не одного Орлика отдаем, еще пять лошадей. В колхозе их избыток, а им требуется, они нам за коней лес строевой дают, понимаешь?

– Понимаю. Только Орлика не надо отдавать. Он, конечно, колхозный, но все равно не надо.

– Это почему так?

– Не знаете вы Орлика, вот и отдаете – Мурица подняла глаза, встретилась с озадаченным взглядом председателя. – Это конь, какого во всем колхозе нет. Да и в районе поискать надо. Это скакун. Ни одна лошадь его не обошла. А цыгане что за него давали: по паре коней, одеяла, подушки пуховые. Только отец не менял, а если бы и захотел сменять, не дала бы.

Мурица умолкла.

Председатель потушил невольную улыбку, снова принял поглаживать бровь, взлохматил ее, отчего все его лицо приняло смешное выражение. Мурице казалось, будто председатель – вроде как большой дом и нужно войти в этот дом и переставить в нем кое-что так, как ей хотелось. И своим чисто цыганским чутьем она угадывала, что ей это, скорее всего, удастся. А может – и нет. Может, она ошиблась, и председатель своим отказом оборвет весь их разговор? Мурица машинально перебирала в руках платок, чувствуя, как все так же громко, на весь кабинет продолжает стучать ее сердце.

– По твоему, это не лошадь, а машина «Волга»?

– А что машина? – встрепенулась Мурица, и пряди волос, скрученных в жгут и наспех приколотых на затылке, рассыпались по плечам, ожили, сползли на грудь и на плюшевый жакет, широко распахнулись глаза. – Машина – железка мертвая, а Орлик живой, дышит, и погладить его можно. А вы? Вы гладите свою железку?

– Говори, говори, – вдруг попросил председатель, – чего замолчала? Не гляжу, конечно.

Мурица спохватившись, что сказала лишнее, опустила глаза и теребила кисти полушалка.

– Хорошо, подумаем об Орлике, – председатель взял карандаш и записал что-то в своих бумагах.

Поклонившись, как кланялась в клубе после своих песен, Мурица вышла из кабинета...

* * *

...Столько народа она не видела никогда. Казалось, что все жители района приехали на ипподром в этот майский, солнечный день. Звенела музыка – это парни у главной трибуны дули в серебряные трубы. Сегодня скачки. В них принимают участие все колхозы района – все привели сюда своих лучших скакунов.

Мурица вспомнила слова отца, который сидел где-то там, на лавочках среди народа: «Смотри, с места пусть сам идет, а перед концом чуть тронь поводья и сильней к шее наклонись. Ногами не болтай, крепче к бокам прижмись».

– Товарищи! – заговорил кто-то на трибуне в микрофон, – сейчас начнется парад лошадей. В скачках принимают участие... – диктор называл хозяйства, клички лошадей, фамилии наездников. Мурица знала, что вот сейчас назовут Орлика и ее фамилию, но вздрогнула, когда назвали. А парни – наездники поглядели в ее сторону, а она, смущенная, не замечая их, гладила изогнутую колесом шею Орлика.

Участники выстроились попарно и лошади легко пошли по кругу мимо заполненных зрителями скамеек. Красивые лошади, не то, что в таборе, шерсть так и переливается, будто это и не шерсть вовсе, а бархат. А наездники – не голопузые цыганята, а ловкие молодые парни в белых рубашках с номерами на спинах.

У нее, Мурицы, тоже есть номер, она сама пришивала его к своей белой рубашке. Кто же сегодня будет первым, кто? И Мурица вдруг увидела перед собой глаза председателя, они встали в памяти вместе со словами: «По-твоему это не конь, а машина «Волга»?

А народ шумел, волновался и ждал. Лошади рвали поводья, ветер развивал флаги на трибуне. Сверкая на солнце, пели трубы.

«Ну что, Орлик? Покажем, на что мы способны?!» – мысленно произнесла Мурица, направляясь вместе со всеми к стартовой черте.

Примечания:

* «Нам, на парував» – «Нет, не меняю» (по-цыгански)

** Игра на конь – рыжий конь с белой гривой и белым хвостом.